

ОТЗЫВ официального оппонента
директора Центра Евро-атлантической безопасности
ИМИ МГИМО МИД РФ, доктора политических наук,
профессора Никитина Александра Ивановича
на диссертацию Соляновой Марии Викторовны
по теме «Американские концепции полярности в международных
отношениях», представленной на соискание ученой степени
кандидата политических наук по специальности 23.00.04 –
Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития

Диссертация М.В.Соляновой представляет собой самостоятельное завершённое исследование. Тематика диссертации соответствует паспорту специальности 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Диссертация посвящена не столько актуальной, сколько «долгоиграющей» теме, которая актуализируется с каждой новой американской администрацией. Данная диссертация в большей степени охватывает концепции и научную литературу, появившуюся в период президентства Дж.Буша, в меньшей – в период администрации Б.Обамы, и совсем в небольшой – в период современной администрации Д.Трампа. В значительной мере диссертация относится к субдисциплине «история политических учений», концепций, теорий. И в этом плане автор демонстрирует достаточно широкий охват научной и публицистической литературы, проводит во введении и первой главе работы систематизацию и периодизацию такой литературы по тематике американских трактовок структуры международной системы.

Автор не вполне удачно называет *объектом исследования* «академические дискуссии о структуре и формировании мирового порядка, а также роли США в процессе развития международной системы» (с.4 диссертации). Ведь на деле более важны не столько сами по себе дискуссии внутри академического сообщества, сколько реальное политическое влияние теорий и концепций на практически проводимую политику США в мире. То есть объект такого исследования не должен замыкаться в рамках академического сообщества, а должен включать также подходы и позиции американских администраций, министерств, ведомств, президентов, госсекретарей, практические шаги страны на международной арене. *Предмет исследования* («американские концепции...») сформулирован приемлемо, а вот *объектом исследования* скорее являются не «академические дискуссии» (иначе объект и предмет – «дискуссии» и «концепции» - практически совпадает), а скорее взаимовлияние теоретических дебатов и практической политики по

вопросам роли Америки в мире и эволюции структуры международной системы.

Хотя в теме (названии) диссертации фигурируют только «концепции», нелишне было бы ввести методологическое различие (и разъяснить его) между концепциями, гипотезами, теориями, доктринами. Объекты, с которыми должен работать диссертант в таком исследовании, различаются по уровню системности: среди них есть и завершенные и полно разработанные концепции, но есть немало и намеченных «штрихами» оценок, подходов, отдельных отрывочных определений, недостроенных концептуальных построений. Равно как есть и важные отступления от академических концепций в другую сторону – концепции, ставшие впоследствии теориями, методологическими основаниями, доктринальными основами практических политических линий и программ и пр.

Спектр концепций, который автор строит в первой главе (и затем работает с ним как с основным), оказывается простовато прямолнейным: однополярность-биполярность-многополярность. Напомним для усложнения этого спектра дебаты прежних десятилетий о ЕС как формировавшемся «третьем полюсе» (было немало работ по «трехполярной» системе), затем о возможности присвоения «звания полюса» Китаю как четвертому полюсу, наконец, о концепции «полиархичности» у Стэнли Хоффмана, где количество полюсов в мире стремится приблизиться к общему количеству крупных держав. Упомянем исследование (2015-2016 гг.) Франкфуртского института мира (PRIF) с участием политологов двух десятков стран, которые на базе компьютерного моделирования построили модели современного многополюсного мира для 13, 15 и 17 влиятельных держав-лидеров. Напомним и мнение Э.Я.Баталова о том, что методологически полюсов может быть всегда только два, и понятия «однополюсности» и «многополюсности» неадекватны по определению. Все эти форматы говорят о предпочтительности более сложного структурирования спектров полярности.

Банально сформулирована гипотеза исследования (с.5 автореферата): «...идеи и концепции оказывают существенное воздействие на ... доктрины и стратегии». Честно говоря, такая гипотеза не требует доказательств, это очевидно. Автор формулирует и «вторую гипотезу», и опять неудачно: «основы внешнеполитического курса имеют глубокие корни и характеризуются преемственностью». Но это опять же банально верно без доказательств для большинства стран. Гипотеза, которая должна была бы доказываться (или опровергаться) всем содержанием диссертации, должна заключаться в чем-то другом.

Как представляется, термин «американоцентричная многополярность», вопреки утверждению автора на с. 8 в разделе «научная новизна», нельзя считать «наиболее полно и точно характеризующим современную структуру миропорядка». Такой термин и понятие не учитывают возросшую роль Китая, а также специфическую роль России и формируемых с участием России и Китая «альянсов незападного типа», таких, как ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, или инициатива ЭПШП. Неочевидно, что «американоцентричность» наиболее «полно и точно» характеризует баланс сил и интересов в современной Африке, в Южной Азии (где отношения Пакистана и США заметно охладели, а Индия является растущим полюсом влияния), в Западной Азии, где Иран и Саудовская Аравия строят свой особый баланс сил и интересов, а в диалоге по Сирии лидерствуют вовсе не США, а Россия, Турция и Иран (в рамках астанинского диалога). Автору следовало бы, скорее, как-то по-новому разработать видение подлинно «многополярной многополярности», соответствующей ситуации конца второго десятилетия двадцать первого века. Вместо этого автор останавливается на предельно упрощенном определении многополярности как «структуры мировой системы, где действует один, два либо несколько центров силы» (с.16 автореферата). Заметим при этом, вчитавшись в приведенное авторское определение, что если в системе один центр силы, то называть такую систему «многополярностью» как-то не получается.

С одной стороны, для аспиранта Института США и Канады по-своему естественно видеть на первом месте в мировой системе роль именно США, но, с другой стороны, именно от специалиста по США ожидается построение картины мира не по упрощенной схеме «США и остальные», а по более тонкой схеме, учитывающей смещение акцентов и балансов по регионам и отдельным годам, а не по агрегированным периодам «до- и после холодной войны».

В научную новизн диссертации автор записывает «авторскую концепцию «разделенного лидерства». Давайте разберемся. Эта концепция описана автором, в частности, на с. 173-178 диссертации. Автор, во-первых, предлагает (с.176) разделить лидерство в мире между странами, международными институтами, негосударственными структурами (что, в общем-то, и сейчас так). Во-вторых, предлагается закрепить за акторами-лидерами «юридическую ответственность за каждую область,... предотвращая взаимопересечение функций» (с.177). И затем автор разъясняет, что речь идет о привязке к разным лидерам таких функций, как «контроль над развитием ракетных технологий, терроризм [видимо, надо было написать «борьба с терроризмом»], экономическая интеграция..., миграционные процессы» и пр. Получается странная картина: разные государства, например, США, Россия, Китай, должны полностью (и не делаясь с другими) взять на себя «юридическую ответственность» за

крупные функции мирового сообщества, при этом «предотвращая взаимопересечение функций и вторжения отдельных субъектов в чужие зоны ответственности» (см.177). Получается что-то вроде империалистического передела сфер влияния. Сам предлагаемый автором принцип противоречит заложенным в Устав ООН принципам коллективной ответственности мирового сообщества за экономическое развитие человечества, борьбу с бедностью, обеспечение прав человека. Нельзя подобные функции раздать под «юридическую ответственность» отдельных стран. Это как раз приведет к обострению межгосударственных противоречий. То, что автор называет «авторской концепцией «разделенного лидерства», выглядит несколько по-детски, как наивный план поровну распределить «десять функций между десятью державами».

При этом противоположный (кстати, соответствующий принципам ООН) подход, что «только совместными усилиями всего мирового сообщества, только в рамках глобального сотрудничества (а не отдельного государства или союза нескольких стран) могут быть решены экологические, энергетические и другие глобальные проблемы» (с.16 автореферата) автор как раз необоснованно называет американским подходом, который, получается, неправилен, поскольку противостоит «авторской концепции разделенного лидерства».

В работе дается странное определение «мирового порядка»: «Мировой порядок, таким образом, представляет собой перманентную трансформацию структуры, составных частей и элементов» (с.7 автореферата). И это при том, что в отечественной научной литературе существуют сложные разработанные основателем отечественной Ассоциации политической науки Г.Х.Шахназаровым научные определения миропорядка (в его книге «Грядущий миропорядок»), а в американской научной литературе есть классические и гораздо более адекватные определения Д.Истона, К.Уолтца, Дж.Най и десятков других исследователей.

Вызывает возражения тезис, что «с начала 1990-х годов (а в других местах диссертации говорится, что и до настоящего времени) администрации Соединенных Штатов основывали свою внешнеполитическую стратегию на синтезе двух теоретических подходов: неоизоляционизме и активизме» (с.6 автореферата). Ну, во-первых, неоизоляционизм и активизм, действительно, противоположны – и если кому-то удастся их синтезировать в одно целое и одновременно сделать основой единой политики – это будет большое достижение диалектического свойства. Во-вторых, неоизоляционизм был характерен для США совсем в другие исторические периоды – прежде всего в период «пост-вьетнамского синдрома» на рубеже 1960-1970-х годов (тогда и была

сформулирована эта концепция). После начала 1990-х, в связи с окончанием холодной войны (которое трактовалось как «победа» в этой войне) никаких оснований для нового приступа изоляционизма у США не было. И события 11 сентября 2001 года не заставили Америку испуганно замкнуться в себе, напротив, породили виток активизма и начало масштабных операций в Афганистане и других регионах. А вот методы и формы активизма у администраций Буша (старшего и младшего), Клинтона, Обамы, Трампа действительно различны (в том числе связаны с удачами и неудачами политических кампаний в отношении Ирака, Афганистана, Ливии, Сирии и др.). И здесь автору следовало бы создать классификацию форм и методов внешнеполитического активизма США, разбить это общее понятие на более специфические политические формы. Следовало бы выделить несколько *типов и форм* «лидерства» США в мире. Иначе автор говорит, что «все авторы сходятся во мнении о необходимости лидирующей роли США в мире» (с. 166 диссертации), что весьма упрощенно и просто неверно. На деле есть ряд авторов, которые призывают отказаться от претензий США на лидерство - вспомним, например, известную книгу, которая так и называется «Америка как рядовая страна» (*America As an Ordinary Country*), или формулировки в ходе ливийской кампании, призывавшие США не брать лидерство в операции, а осуществлять “leadership from behind”.

В параграфе 2.3 “Концепции мирового доминирования США” автор приводит некоторые фрагменты классификации “концепций мирового преобладания США” (с.85) – либерально-реалистическая, консервативно-либеральная [хотя соединять в единую концепцию либеральный и консервативный подходы так же методологически неправильно – это разные концы спектра – как и переплетать изоляционизм с активизмом]. Вызывает сомнение отнесение концепции «согласованной безопасности» и «коллективной безопасности» к концепциям лидерства США. Это как раз подходы, оспаривающие лидерство США. Как, впрочем, и приводимые в этом же параграфе концепции Карпентера и Бьюкенена – они не должны быть отнесены к концепциям “мирового доминирования США” – следовало бы создать отдельно спектр концепций собственно гегемонистских (с оттенками) – и другой спектр, предполагающий отсутствие или серьезное ограничение американской роли в мире (тоже с оттенками), от слабых призывов признать роль других держав вплоть до полного изоляционизма.

Вывод второй главы (с.125), что “XXI век ознаменован безусловным дисбалансом в сторону Соединенных Штатов в качестве единственной доминирующей силы» как-то запоздал в историческом времени. Такой консенсус в Америке существовал, но где-то в период распада СССР и 1990-х годов. В XXI веке среди американских аналитиков настроения иные

- стало распространяться осязаемое беспокойство по поводу растущей мощи Китая, экономической и, в перспективе, военной и политической, а также «своеволия» России, особой позиции арабских стран, в том числе «непослушности» бывших послушных союзников типа Пакистана и Саудовской Аравии. Американские теоретики озаботились и признанием вызова, который бросил американской мощи мировой терроризм, негосударственные акторы международных отношений. Так что тезис о «США как единственной доминирующей силе» неверно считать общим консенсусом в американской политической науке XXI века. Между прочим, лозунг Д.Трампа о «возвращении Америке утраченной былой мощи и величия» как раз показывает, что нынешнее самовосприятие страны - вовсе не парадный образ доминирующей силы.

Описывая подходы к лидерству администраций Б.Обамы и Д.Трампа на с.166-167, автор наделяет их всеми возможными достоинствами, в частности, говорит, что курс Обамы основывался «на развитии глобального сотрудничества и уважении прав различных субъектов международных отношений» (с.166). Если все было так хорошо, почему же тогда к концу срока президентства Обамы отношения России с этой администрацией окончательно разладились? Про Трампа говорится (от лица автора, заметьте), что его приоритетами являются «уменьшение напряженности в двусторонних отношениях с Россией» (с.167), и Америка сегодня «способна взять на себя ответственность по обеспечению мира, безопасности и процветания на глобальном уровне» (с.167). Можно предположить, что автор косвенно цитирует американские подходы, но прописаны они дословно как позиция и оценка автора диссертации. Похожая словесная путаница происходит и на с.168, где говорится о «появлении (после второй мировой войны) новой глобальной угрозы,... исходящей от СССР», причем говорится это не в порядке цитирования, а от лица автора диссертации.

В положениях, выносимых на защиту, неясен термин «внешнеполитические направления США», употребляемый в нескольких местах (напр., на с. 170). Очевидно, имеются в виду «внешнеполитические приоритеты»?

На с. 174-175 дается странная оценка присоединения Крыма к России. Говорится, что «это событие сыграет ключевую роль в развитии мировой системы в будущем, доказывая ее усиливающуюся дестабилизацию, неуправляемость и неспособность государств в их нынешнем состоянии каким-либо образом влиять на происходящие процессы». В этой оценке вызывают вопросы все поставленные акценты.

В Заключение диссертации «ключевыми регионами мира» (с.170), в которых лидируют США, странно называются «Северная Атлантика» (это

что, регион Гренландии, Исландии, Норвегии?), “Восточная Азия” (но в этом регионе Китай и КНДР, там как раз нет лидирующих позиций США).

Роль негосударственных акторов международных отношений затронута автором весьма “по касательной”. А между тем, именно они (например, Талибан, Аль-Каида и др.) подрывают прежнюю роль и престиж США. Создается впечатление, что автор диссертации недоволен в принципе появлением и ролью негосударственных акторов (например, говорит, что они “угрожают стабильности, целостности (международной) системы и ее субъектов”. Между тем, среди негосударственных акторов есть и позитивные, чью роль следовало бы отметить.

Работа имеет *теоретическое значение*, с этим можно согласиться, поскольку она систематизирует, перечисляет, излагает многочисленные концепции и теории, полемизирует с некоторыми из них. Однако *практическая значимость* диссертации самим автором формулируется как «использование ее положений для построения новых теоретических моделей» (с.15 автореферата), что, собственно, опять относится к теоретической, а не практической значимости. Что же касается тезиса (с.15), что «положения диссертации могут быть использованы для прогнозирования внешней политики США... а также формирования официальной стратегии в отношении США», то этот тезис не вполне обоснован: для прогнозирования необходимо выявить четкие соответствия между отдельными концепциями и практическими политическими программами американских администраций, а такая четкая матрица соответствий (модель) в работе не построена: соответствия носят труднопредсказуемый и весьма примерный характер. В частности, в Заключении диссертации делается вывод, что если раньше в политике США сочетались изоляционизм и активизм, то и в дальнейшем они будут сочетаться. Прогнозы, построенные на таких основаниях, будут весьма примерными и неточными.

Данной диссертации нельзя отказать в ряде достоинств. Язык изложения грамотен, в целом адекватно используется политологический категориально-понятийный аппарат. Содержание автореферата относительно точно соответствует содержанию диссертации. Научный аппарат – сноски, ссылки, библиография – оформлен по правилам. Охват литературы, как российской, так и зарубежной, широкий, хотя литература 1990-х и начала 2000-х годов преобладает над современной. Изложение американских источников проводится в целом понятно, автор действительно разъясняет российскому читателю суть их основных положений, сравнивает, частично оспаривает. Поскольку кандидатская диссертация является «квалификационной работой», она должна показать, что автор приобрел некоторые основные параметры квалификации и

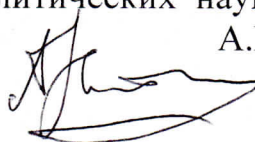

компетенции, необходимые для дальнейшего ведения научной работы – и данная работа подтверждает наличие у автора М.В.Соляновой таких навыков работы с научным материалом, его классификации, обработки, осмысления. Поэтому в целом можно сделать вывод, что, несмотря на указанные недостатки, работа в целом соответствует требованиям, предъявляемым к квалификационным работам по политологии, и диссертанту может быть присуждена искомая степень кандидата политических наук, с учетом того, что в дальнейшей работе указанные замечания будут учтены, а недостатки преодолены.

Директор Центра Евро-атлантической безопасности ИМИ МГИМО

МИД РФ, профессор кафедры политической теории МГИМО, профессор факультета государственного управления МГУ им. М.В.Ломоносова, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, почетный президент Российской ассоциации политической науки, член Научного Совета при Совете Безопасности РФ и Научно-экспертного Совета ОДКБ, доктор политических наук, профессор

А.И.Никитин

Адрес организации: 119454, Москва,
проспект Вернадского, 76

Контактные данные:

+7(495)434-70-89,

+7(495)434-20-44

Подпись гр. А.И.Никитина заверяю
Ученый Секретарь

О.В.Шишкина

